

Примечания

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

Одним из важнейших для Некрасова замыслов были автобиографические записки, завершить которые ему помешала смертельная болезнь. Стимулами для возникновения такого замысла могли быть, по-видимому, и потребность итогового осмысления жизненного пути человеком, многое испытавшим и познавшим, и желание указать на несостоятельность сложившихся в обществе представлений о его личности, и, наконец, конкретный повод в виде предложения издать свои стихи, сопроводив их биографическим (или автобиографическим) очерком.

Намерение рассказать о своей жизни появилось у поэта, по-видимому, еще в середине 1850-х гг. — возможно, в связи с обострившейся болезнью, когда, считая себя в опасности, Некрасов начал подводить жизненные итоги и даже написал завещание (см. с. 311—312). Об этом замысле упоминает Тургенев в письме Некрасову от 25 мая 1856 г.: «Ты за границей непременно должен написать свою биографию, это почти, можно сказать, твой долг» (Тургенев 2, Письма, т. III, с. 99).

Пятидесятилетие («пятидесятый год») представлялось поэту тем рубежом, который ставит перед необходимостью «свести итог». Это важная тема стихотворения «Уныние», законченного в 1874 г. (см.: наст. изд., т. III, с. 133—134). В 1872 г., который Некрасов считал пятидесятым» годом своей жизни (см. с. 418), в газетах появились сообщения о предстоящем юбилее 35-летней литературной деятельности поэта (см.: Петербургский листок, 1872, 18 марта, № 55, с. 2; Русский мир, 1872, 10 апреля, № 93, с. 2). Впрочем, вскоре последовало сообщение о том, что юбилей будет отмечаться в следующем 1873 г. (см.: Новости, 1872, 12 апреля, № 103, с. 2). Это было более логично, так как первые публикации стихов Некрасова в «Сыне отечества» появились в 1838 г. Однако именно к 1872 г. относится первая из известных нам попыток создания прозаической художественной автобиографии — запись воспоминаний Некрасова, датированная 7 июня 1872 г. и предназначенная для редактора «Русской старины» М. И. Семевского (см. с. 417). А. С. Суворин вспоминал впоследствии: «Он (Некрасов. — Ред.) говорил мне в 1874 г. (...) что начал писать свои записки. Записки эти он начал писать сгоряча, оскорбленный известной брошюрой гг. Антоновича и Жуковского, которые „пробрали“ его, как он выражался. Написано было, по его словам, листов десять. Думал он также писать книгу об игроках. „Это будут игроки настоящие, взятые из действительной жизни, а не те сочиненные игроки, которых мы знаем в нашей литературе“, — говорил он. Называл он и героя этой книги и выражался о нем так: „Он один чего стоит“. Особую часть этой книги должны были составлять воспоминания о четырех женщинах, очень интересных и оригинальных, как он говорил» (Суворин. Заметка). Остальные дошедшие до нас автобиографические записи Некрасова относятся, очевидно, к последнему году жизни поэта, когда болезнь вынуждала его ограничиваться непродолжительной диктовкой отдельных эпизодов своей жизни, относящихся преимущественно к детским и юношеским годам. Примыкают к ним отчасти и носящие автобиографический характер пометы на полях собрания своих стихотворений (см. с. 41—45). Изложение истории своей жизни представлялось Некрасову делом чрезвычайной важности: несмотря на тяжкие страдания, он стремился во что бы то ни стало рассказать о пережитом.

По воспоминаниям Н. А. Белоголового, «взрыв общественного сочувствия», вызванный публикацией «Последних песен» в январском номере «Отечественных записок» за 1877 г., побудил Некрасова вернуться к работе над воспоминаниями. «Возбужденный этими манифестациями, он сделался гораздо разговорчивее, охотно стал вспоминать и рассказывать различные эпизоды своей жизни (не исключая и тех темных, которые пятнами лежали на его жизни и которые теперь он старался, видимо, обелить), свои отношения к различным нашим знаменитостям; под влиянием наплыва этих воспоминаний он остановился на мысли составить свою биографию и лихорадочно приступил к этому таким образом: частью он диктовал сам, пользуясь всяким свободным от боли часом, то брату Константину Алексеевичу, то сестре Анне Алексеевне, иногда даже ночью будил их и заставлял писать под свою диктовку; частью же

передавал устно тот или другой эпизод своей жизни кому-нибудь из друзей и просил его литературно обработать его и написать» (Белоголовый, с. 391). В дневниковой записи о посещении Некрасова 25 февраля 1877 г. А. Н. Пыпин отмечал: «Ему, видимо, хочется рассказать разные факты своей жизни и объяснить» (Некр. в восп., с. 446). «Он со всяким приходящим с охотой пускался в рассказы о своей жизни, и притом именно с специальной, несколько, впрочем, не скрываемой целью очистить себя от разных тяготевших на нем обвинений», — вспоминал Г. З. Елисеев (Из посмертных бумаг Г. З. Елисеева. — Русское богатство, 1893, № 9, с. 48). «Как мне досадно, — писал С. Н. Кривенко, — что я не взялся написать некрасовские литературные воспоминания, тот сам об этом говорил, и самому ему это было желательно. Обратился он с этим, должно быть, месяца за полтора до смерти ко мне и Николаю Константиновичу (Михайловскому. — Ред.). Вместе мы были у него (...) „Вот, — говорит, — господа, вы молодые (т. е. и Н(иколай) К(онстантинович)), приходите ко мне и записывайте, что я буду говорить. Много интересного... Только вот беда: кричу я иногда от боли по целым дням, так что часов определенных никак нельзя назначить. Трудно это вам, пожалуй, покажется: придете, а я как раз в эту самую минуту ору на весь дом, так что, может быть, несколько раз придется приходить, пока выдастся часок-другой свободный“. Переглянулись мы с Н(иколаем) К(онстантиновичем), да тем все и кончилось (...) Кое-что я, впрочем, после его смерти записал по памяти, по просьбе Скабичевского, когда он биографию составлял, и отдал ему в материалы. А не запиши я, как он ужасно нуждался в первые годы по приезде в Петербург, так это и осталось бы незаписанным...» (Кривенко С. Н. Собр. соч., т. I. СПб., 1911, С. XLVI).

Таким образом, план Некрасова написать историю своей жизни вынужденно менялся с развитием болезни и перешел в намерение сообщить о важнейших, по его мнению, фактах тем, кто сможет донести его рассказ до читателя. Сохранившиеся записи продиктованного Некрасовым (частично авторизованные) и наброски планов дальнейшего изложения требуют соотнесения с рядом мемуарных источников, в которых намеченные пункты плана подчас получают развитие в передаче того или иного рассказа поэта о себе. Реконструкция последовательности диктовок и отдельных заметок Некрасова ввиду их отрывочности представляет весьма сложную задачу, и при расположении записей для настоящего издания приходилось в ряде случаев руководствоваться приблизительной хронологией упоминаемых событий.

Изучение массива документов, которые содержат прямые или косвенные сведения о поэте, его родных и предках, предпринятое комментаторами настоящего издания, приводит к выводу о том, что и в воспоминаниях (особенно в отрывках «Я родился в 1822 году...» и «Я родился в 1821 г...») Некрасов оставался художником, стремясь не столько к фактографической точности, сколько к отображению своей духовной эволюции, своего творческого пути, предпочитая правду чувства правде отдельного факта.